

—...Знаете, какая поговорка сегодня самая ходовая? — спросил при встрече Гранин. — “Хочешь жить — умей вертеться”. Вертись! Все меньше и меньше, к сожалению, людей работает, а все больше вертятся.

— А вы работаете или тоже приходится вертеться?
 — Дело писателя — писать. Стараюсь работать. Вот завершаю роман, название скажу — “Бегство в Россию”, а больше пока о нем ни слова, ну, кроме того, что готовлю его для “Нового мира”. Еще на столе рассказы — может, “Литературке” предложу... Хочу, не откладывая, написать об ушедших дорогих мне людям — Алесе Адамовиче и Михаиле Дудине... Еще в книжном выпуске журнала “Магистерium” должна появиться моя статья о кентаврах. Пока все...
 — Вот бы всем такую работоспособность! А почему о кентаврах?
 — А разве мы не кентавры?

РОЖДЕННАЯ из шуток “кентавристика”, ни на что не претендуя, своим кажущимся легкомыслием будоражит и нечто серьезное — она толкает мысль по нетривиальному пути.

Я слушал рассуждения Даниила Данилина:

— Конь не может сбросить всадника, а всадник не может сойти с коня. Вот что интересно в кентавре!

По мере того как он рассуждал о безвыходном положении полюбившегося ему существа, я все ясвенней различал следы кентавра в себе самом. Раньше мне это и в голову не приходило. Несомненно, кентавр когда-то во мне был, или пребывал, или еще есть. Обнаружить в себе такую тварь не очень приятно. Еще хуже, когда не знаешь, в каких отношениях ты с конем и всадником, где ты — внизу или наверху, ты едешь или на тебе едут.

рой, но где-то под ними подразумевается скрытая подлинность (если она сохранилась).

Кентавр не двуликость, кентавр — две истины, которые не уничтожают друг друга, они соединены потребностью противоположностей, своей полярностью. Человек в этом смысле состоит тоже из полярных величин: из добра и зла, в нем есть и худшее, и лучшее, он мал и велик, слаб и силен, мудр и глуп.

На всякого мудреца довольно простоты, нет-нет да она и проявится. Но речь идет не о проявлениях, а об источниках, о тех совмещенных существах, которыми полон наш внутренний мир.

Начну с примера, близкого мне. Работа писателя выработала потребность наблюдения за людьми, их жестами, настроениями, поступками. Объектом наблюдения стал я сам. Я — гражданин, я — быто-

Даниил ГРАНИН

Хорошо ли быть кентавром?

Лит. газ. — 1994. — 23 февр. — с. 3.

Сперва думаешь о двуликости. Кентавр как воплощение двойничества. Характерно, что именно это прежде всего приходит в голову. Если бы Россия сохранила язычество, то в XX веке ее главным богом стал бы двуликий Янус — бог, который олицетворяет двойственность. К одним с печалью, к другим с улыбкой, к одним с обещанием, к другим с угрозой. Двойственность двери, которая ведет внутрь, и она же ведет наружу. Снаружи она видится как вход, изнутри — как выход. В Януса два лика несовместных, противоположных, будущее и прошлое, так что истинное лицо его неизвестно. Этот бог, можно сказать, спасал нас. Двуликость, а затем и многоликость стали условием выживания советского человека. Ему приходилось говорить не то, что он думает, делать не то, что он хочет, верить в то, во что не верил, изображать того, кем он не был, учить своих детей тому, чему не следовало бы учить. И так во всем.

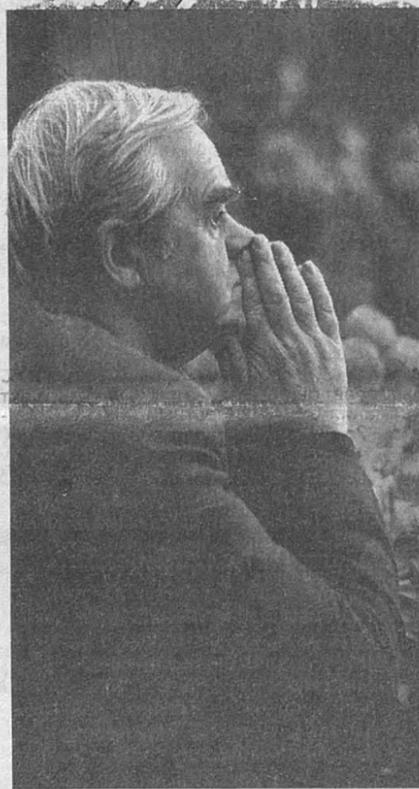
Способность человека раздваиваться, расстраиваться и далее разделяться велика. Быть одним с начальником, другим со своими коллегами, третьим дома с родными, четвертым с самим собою (если решиться на такую встречу), пятым с Господом Богом. Советская действительность не исчерпала всех возможностей, но достигла невиданной прежде расщепленности личности. Лицедейство стало массовым искусством, изменчивость, хамелеонство, мимикрия — спасительными приемами. За многие годы умение не быть самим собою достигло совершенства. Выживал и преуспевал тот, кто легко сменял свои облики, совмещал несовместимое. Это, наверное, нельзя определять как притворство, надевание масок. Только что мы славили ленинградских руководителей, затем, когда их осудили по “Ленинградскому делу”, с таким же пылом должны были клеймить их. Яркий ортодокс сочетался со скептиком, активный пропагандист партийных лозунгов, придя домой, издевался над своими речами. Отец требовал от сына честности — и просил его не спорить с учителями, соглашаться с их ложью.

Несовместные, противоположные воззрения уживались в одном человеке, что не проходило безнаказанно. Смена личков уродовала сознание. Растворялось и гибло собственное “я”. Человек всячески уклонялся от размышлений, самосознание пряталось от него. “Янусизация”, если так можно сказать, была насилием над человеческой природой.

Кентавр в этом смысле предстает перед нами как существо цельное. Получеловек-полуконь соединены в один организм. Это не гибрид, ибо гибрид природно возможно, здесь же соединение явно невероятное. Поэтому оно и осуществлено в человеческой фантазии. Почему, зачем — другой вопрос.

Подхваченные мифом кентавры жили себе и поживали, размножались, сражались, обладали характером, никак не страдали от своей несовместности.

Двуликость требует притворства, притворяются — значит, изображать то, что тебе не свойственно. Лик один, лик вто-

И вот так из года в год он следил за собой, оценивал себя, свои грехи и упущения. Обе ипостаси “писатель — человек” срослись, совместились, образуя кентавра, где скорее всего писатель — чело-вечья половина, а человек — это конь.

Другой пример: отец-ребенок. Я выступаю как отец своего ребенка и одновременно как сын своей матери. Соседство отнюдь не простое. Я требую постоянной любви и уважения от своего чада, но куда в меньшей степени делаю это для своей матери. Ощущает ли себя кентавр больше лошадью или больше человеком? Или такого вопроса для него нет, как нет такого вопроса, допустим, для мула, то есть существует новообразование — кентавр, и он ощущает себя кентавром и никем другим. То есть ощущаю ли я себя сыном-отцом одновременно? На первый взгляд нет. Но тогда спрашивается: откуда же угрызения совести, чувство вины, не есть ли соединение отец-сын чувство шва? Мне могут заметить, что, когда кентавр скачет, он ощущает себя конем, когда он стреляет из лука, он человек. Однако внутренний кентавр не рефлектирует, он выступает во всей цельности своих противоположностей, тем он нам и интересен.

Кентавренность на исходе века в России проявляется все интенсивнее. Я хочу уехать, покинуть эту страну, мне ненавистны ее беззакония, разруха, противно видеть, как ее разворовывают, меня отвращает борьба за власть... Я не могу покинуть ее, потому что люблю ее, жалею, потому что защищаю ее, потому что люблю этот народ, люблю нашу интеллигенцию,

возможностями человеческой природы. Жена, отдаваясь мужу, — разве она чувствует, что изменяет любовнику? Наоборот, она испытывает удовлетворение, исполняя долг верной жены. Известен тип женщины, считающей себя хранительницей семейного очага, примерной матерью, любящей женой, и в то же время какое наслаждение получает она от своей тайной любовной связи! При этом она не испытывает ни раздвоенности, ни этического неудобства, я бы сказал, наоборот: и в объятиях мужа, и с любовником она если и переживает измену, то лишь как полноту своей жизни. Острый привкус скорее пьянит ее, чем мучает. Ощущая себя женой, и любовницей, она счастлива, пребывая одновременно в двух противоположных стихиях. Кентавр внутри нее существует, играет, живет в своей цельности. Жена-любовница, причем безупречная жена, и любовница, предающая эту безупречность, отрицающая ее. Существо это не разделено во времени, в одномоментности — его высшая сладость.

История последних лет порождает все новых кентавров, порой фантастичных. Так, последние события в России явили миру во всей своей наготы так называемых красно-коричневых. Четыре года шла война на уничтожение между коммунистами и фашистами. Гитлеровский фашизм был разгромлен. И вот спустя полвека в России, стране-победительнице, которая освободила мир от фашизма, возродилась новая разновидность: коммунист-фашист. Под красным знаменем, на котором вместо серпа и молота изображена свастика, шествуют верные последователи Ленина и Гитлера. Они проповедуют национализм, ненависть к инородцам, великую русскую империю. Несовместные, казалось, идеологии слились, смертельные враги заключили союз, дети и внуки тех, кто воевал друг с другом с непримиримой ненавистью, стали единомышленниками, действуют заодно против демократии. Общий враг заставил их забыть о разногласиях. Такой идеологический кентавр опасен, как летающий тигр, мы не умеем с ним бороться.

Мифологический кентавр мог быть изображен художником, он как бы зрительно распознаваем. Внутренний, душевный кентавр не воспринимается как наглядная тварь, он невидим, он не дышит, не скачет, человек скрывает его, прячет его в своей душе. Тем не менее великие писатели распознавали это чудовище, они видели, как звериное причудливо соединилось с человеческим, страдающее — с преступным. Вспомним Раскольникова, лермонтовского Демона, пушкинского Сальери. Таких героев мировой литература знает немало — история также.

Человек готов смириться с тем, что он может быть то плохим, то хорошим в зависимости от обстоятельств. Куда труднее признать, что в душе его могут жить прочные соединения взаимоисключающих качеств. Иногда хищника, иногда полубожества. Если я утверждаю, что кентавры живут внутри нас как сочетание несовместимого, как соединение противоположностей, то спрашивается, почему такое противоречие существует устойчиво, что поддерживает его существование? Почему совесть, религия позволяют торжествовать кентаврам? Почему не сокрушают их?

Давно известно, что в человеческой душе могут уживаться и черт, и ангел, самое лучшее и самое худшее. Как заметил Паскаль: “Человек, желая стать ангелом, становится зверем”. Возможности человека не измерены ни в сторону добра, ни в сторону зла. Весь предыдущий опыт для этого недостаточен, во всяком случае, XX век это показал. Человек как был тайной, так и остается. Душа его — тем более. Что хранится в ней, какова ее жизнь? Вопросы эти безответны.

Кентавр — нечто иное, чем соседство. Я говорю о внутреннем кентавре. Душа, вмещающая кентавра, получает не раздрающие ее чувства и стремления, нет, в ней появляется новообразование, вроде бы безболезненное. Оно бывает злокачественное; возможно, наверное, и вполне доброкачественные образования. Не знаю. В наиболее общем виде “кентавр внутренний” — это симбиоз, в котором соединяются и живут, казалось бы, исключающие, неприязненные состояния...

Кентавристика только начинается. Кентавристика еще не ученые, они путешественники, с любопытством озирающие неизвестную им страну, куда занесла их вроде бы легкомысленная игра ума. В этой несерьезности чаще всего бывают прекрасные находки.

Кентавры, русалки, минотавры, горы — множество созданий такого рода возникли в мифах разных эпох и народов. Человек-птица, человек-рыба, человек-змея, можно вспомнить сфинксов, Нику — их всегда создавало мифологическое сознание. Наверное, они, кроме всего прочего, выражали потребность человека совместить несовместимое. Боги и духи всемогущи и преодолевают границу возможного. Но когда я думаю о кентаврах внутри нас, мне кажется, что и кентавр, и его подобия — все они вышли из тайников подсознания, вырвались оттуда как силы, которые человек был не в состоянии себе объяснить и облек их в зрительные образы.

Человек готов смириться с тем, что он может быть то плохим, то хорошим в зависимости от обстоятельств. Куда труднее признать, что в душе его могут жить прочные соединения взаимоисключающих качеств.

наши традиции, нашу природу. Ненависть и любовь, боль и привязанность, жалость и возмущение, я эмигрант и я иммигрант, я защищающий и я отвергающий — все спуталось, срослось, сосуществует в мучительной двузначности.

Как известно, кентавры вначале имели нрав необузданный, были буйны и агрессивны. Вызвано это было их функциональной неопределенностью. Они не очень представляли себе, для чего они нужны. Так маленькие домашние собачки, всякие болонки обычно злы, не видя своей предназначенности. Человек назначен мыслить, стоячий образ жизни для размышлений неудобен, сидеть же на четырех ногах невозможно. Между тем именно сидячесть имела неоцененное еще значение в умственном развитии человечества. Кентавристика как наука родилась благодаря письменному столу и стулу в доме ее основателя.

Хотя бы отчасти она позволяет по-новому взглянуть на человека — наиболее таинственное явление в этом мире. Именно через невозможные соединения, именно через сочетание несочетаемого, то, что составляет сущность кентавра, значение его для человеческой души.

ОДНО из древнейших внутренних кентавров — сочетание любовник-муж, любовница-жена. Этот кентавр довольно тщательно исследован мировой литературой и драматургией. Вот перед нами кентавр “жена-любовница”. Его органичность вызывает восхищение воз-

вой человек, я — друг, я — отец... Моя личность стала постоянным объектом моего же анализа. Я — исследователь, и я — предмет исследования одновременно. Я — человек, который живет своей жизнью, и я — писатель, который изучает этого человека. Такова в той или иной степени природа писательской работы у большинства писателей. Дневники Л.Н.Толстого показывают, как пристально, постоянно, прямо-таки неотступно изучал он свои поступки, свои решения, какой это был “Институт по изучению Льва Николаевича Толстого”:

10/22 марта 1884 года: “Встал рано, убрал комнату. Андрюша пролил чернила. Я стал упрекать. И верно у меня было злое лицо. Миша тотчас же ушел. Я стал звать его; но он не пошел и занялся тотчас же рисованием картинок. После я послал его в комнату Тани спросить о Маше. Таяя сердито окрикнула его. Он тотчас же ушел. Я послал его еще раз. Он сказал: нет, я не хочу... Где сердятся, там нехорошо. Он уходит отсюда, но сам не сердится, не огорчается. И его радости и занятия жизни не нарушаются этим. Вот чем надо быть... Очень я не в духе. Ужасно хочется грустить на свою дурную жизнь и упрекать. Но ловлю себя”.

15/27 марта: “Зашел к Усову и просидел до часу. Праздный, пустой и неспящий, нечестный разговор: пересуды, выставление своих знаний и остроумия. Я во всем принимал участие и вышел с чувством стыда”.

Фото Константина БАБЛАРОВА